

Григорий БАЦУНОВ

ИСПОВЕДЬ солдата Карельского фронта

***Отремела, отгрохотала война,
заросли травой рваные раны земли.
Но солдатскую память никогда
не покинут страшные события тех дней.
В эту исповедь вложена душа
простого солдата,
его короткий боевой путь в кровавых
боях на Карельской земле.***

ОТ ТОЗА ДО КОЛХОЗА

Родился я 7 октября 1917 года на Алтае, село Титовка Егорьевского района, в крестьянской семье Бацунова Петра Макаровича. Отца своего не помню. Он был унтер-офицером, и как его в Гражданскую мобилизовали, так и не вернулся. Так что вырастила и воспитала нас мама – Елена Яковлевна. Правда, нам помогал брат отца – Митрофан Макарович. В Первую мировую он стал полным Георгиевским кавалером, получил звание прапорщика, но от участия в Гражданской войне дядя отказался. Укрылся от мобилизации на Ивановской заимке и так и остался там жить. Построил себе дом, перевез семью, завел хозяйство.

Детство? Какое тогда детство? Летом помогали работать взрослым, а зимой в бабки возле печки играли. На улице мороз, а надеть почти нечего. Учился в Титовской начальной школе. Два года проболтался через день, а потом вообще перестал ходить. Мать-то одна, ей необходимо помогать, поэтому среди братьев я один остался неграмотным. Демьян и Степан по семь классов окончили, а Федор только начальную школу. Жили мы вчетвером: мама, я, сестра Аня, она 1920 года рождения, да еще брат Степан. Он с 1914 года. Двое других братьев жили отдельно, у них уже были свои семьи. У старшего – Демьяна, он с 1906 года, было четверо детей. Федор с 1909 года, у того трое ребятишек.

Когда школу бросил, Демьян меня устроил работать в ТОЗ – товарищество по совместной обработке земли. (Основное отличие ТОЗа от артели и коммуны состоит в степени обобществления средств производства. В ТОЗ сохранялась частная собственность на орудия и средства производства, принадлежащие крестьянину, но они совместно использовались при обработке земельных наделов всех членов ТОЗ. Поэтому при распределении доходов в конце хозяйственного года учитывалось не

только кто и сколько работал, но и кто, сколько предоставил средств производства. Еще в июне 1929 года ТОЗы составляли более 60% всех коллективных хозяйств СССР, но с переходом к сплошной коллективизации они были признаны «пройденной ступенью колхозного движения». Первая волна реформирования существовавших ТОЗов в артели была проведена в конце 1930 – середине 1931 года, и уже к 1 июня 1933 года ТОЗы составляли всего около 2% от общего числа колхозов. К 1938 году исчезли полностью. – **Прим. А.Б.)** В основном работал с лошадьми. Гонял в ночное, правил парой на косилке, на граблях. Тогда ведь все на лошадях, техники же никакой не было. Членами ТОЗа было человек пятьдесят, почти все родственники. В частности, со мной работали все три брата и дядя Степан – брат отца. Все у нас было свое: земля, двор, кони, инвентарь, рига для хранения зерна, а в конце года за работу выдавали нам хлеба и денег немного. В принципе, хватало. Но в 1930 году ввели новые налоги на сельхозкооперативы, и в декабре у нас в ТОЗе под сдачу по сельхоззаготовкам был описан практически весь урожай. Товарищество, можно сказать, разорили. В конце года на собрании стали обсуждать, как нам дальше быть – вступать в колхоз или деньги собирать под закупку зерна? Дядька Степан, будучи членом правления, на собрании начал ругать власть. Мол, специально нас разоряют, чтобы силой загнать в колхозы. В колхозах на тот момент одна гольтьба состояла. Работали плохо, пили, вследствие этого и урожаи низкие получали. В нашей Титовке тогда аж три колхоза было. Так вот за это выступление дядьку Степана арестовали за антисоветскую пропаганду. Целый месяц его в Рубцовском следственном изоляторе допрашивали, били, чтобы он назвал «сообщников и противников создания колхозов». Но он своей вины не признал, повторил лишь, что говорил на собрании. Дескать, на душе накипело. Демьяна тоже дважды вызывали на допрос, но не арестовали. В общем, дядьку выпустили только через месяц. Весь избитый, больной, почти ничего не ел, сильно кашлял кровью и весной того же года умер... Жил он только с женой, детей у них не было. В конце мая встал утром, вышел во двор, сел на завалинку и говорит: «Я бы, Маня, сейчас молочка парного попил. Так сильно хочется». Жена ему отвечает: «Степан, наша корова в стаде пасется. Подожди, сбегая к куме, у нее корова отелилась и дома стоит. Надоит, поди, с кружку». Вернулась с молоком, а он мертвый. Так, сидя на завалинке, и умер. Глаза его синие куда-то далеко в небо смотрели.

Наш ТОЗ тем временем ликвидировали, а нас вместе со всем имуществом перевели в колхоз «Герой труда». Я все так же работал при лошадях, го-

нял на выпас, сено косил, убирал хлеб. Вот только платили в колхозе много меньше, чем в ТОЗе, и в 1932 году мы чуть с голоду не померли. Рыжик вместо хлеба ели, в общем, кое-как пережили. Помогло и то, что я охотился помаленьку.

ПРИВАРОК К ПОХЛЕБКЕ

Летом и осенью охотился на утку, зимой зайцев бил, когда повезет, козу добуду. По соседству с нами жили в избушке дед Иван с бабкой Феклой. Дед уже плохо видел от старости, так он меня с десяти лет с собой на охоту брал. У него было ружье – шомполовка. Оно через ствол заряжалось, капсюль вставляешь – и пали. Уток на наших болотах, как ворон в лесу – аж черно на воде. Но с шомполовки надо за один выстрел попадать. Пока второй раз зарядишь, все утки разлетятся. Дед зарядит ружье и подает со словами: «Гришка, с(л)ышь, ты потихоньку, к камышику. Раздвинь, ствол высуну и пали! Да лучше целься, а то без приварки к похлебке останемся!» Так я за раз до пяти уток подбивал. Дед Иван все хвалил меня: «Гришка, ну и глаз у тебя! Видать в прадеда своего пошел. Помню я его. Сышь, до ссылки, говаривали, дворяном был, охицером. Со ссылки к нам в Лександровку приехал в году, наверное, шестом, апосля амнистии. Сошелся с Пелагеей. Мужик-то у ей утонул почти сразу апосля венца, детишек у неё не было. Дык, сышь, шомполка у Пейки была, пойдет было на охоту, так вертался весь в трофеях обвешанный. Утей, сышь, до тридцать набивал, да... А вот к земле никак! Хороший мужик был Кирилла, но пил шибко. Макарку, деда твоего, Пелагея родила, и года через три он и преставился».

Так это ружье дед Иван тем потом подарил: «Никому не отдал бы, а тебе вручу. Береги, она мне от отца досталась!» Ружье и вправду хорошее было. Далеко било и кучно. Одно плохо – через ствол заряжалось. Раза три выстрелишь, погожди маленько, чтоб остыло. В противном случае порох воспламенится и глаза выжжешь. Так что, как у всех сельских ребят того времени, детство и юность выдались трудными.

ОРЕЛ В ОБМОТКАХ

В армию меня призвали в октябре 1937 года. Службу начинал на Дальнем Востоке. Привезли нас в часть, выдали ботинки с обмотками, гимнастерки, шинели и буденовки. Все новенькое, прямо со склада, а я в своей жизни до этого ни разу столько новых вещей не надевал. Все за братьями донашивать приходилось. Самое главное – все как по мне сшито. Старшина наш, Боб-

рышев, в годах уже был, посмотрел и сказал: «Хорошая фигура у тебя, Бацунов, и подгонять не надо. Смотри, какой орел!»

До армии я при конях работал, потому и направили меня в батарею ездовым. Но обучали нас так же, как и стрелков, – строевой, огневой и прочим солдатским наукам. Все нормально у меня получалось, и со строевой, и штыковой укол освоил, а по стрельбе у меня только «отлично» было. Вот только с ботинками и обмотками ничего не выходило. Идет батарея строем, так у меня обязательно либо шнурок развяжется, либо обмотка слетит и портянка болтается. Но кто ни разу солдатские ботинки не носил, тот не знает, что обмотать портянку и поверх ровно намотать обмотку – это целая наука. Сколько я нарядов за это получил, одному только богу известно. Но с тех пор я на эти ботинки смотреть не могу. До сих пор помню, как старшина выдавал: «Батарея, стой! Напра-во! Красноармеец Бацунов, выйти из строя и заправить обувь!» Вся батарея уже смеялась. Потом только, где-то через полгода, научился эти обмотки закручивать.

ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК

Большую часть времени мы находились в лагерях, где отрабатывали учебные маневры, проводили стрельбы и занимались индивидуальной подготовкой. Уже через год я стал крепким бойцом, пользовался уважением среди товарищей. В мои боевые обязанности входило подвезти конной парой орудие к позиции, отцепить постромки, разгрузить ящики со снарядами и увести лошадей в укрытие. Далее необходимо было вернуться в расчет для подноски снарядов и отражения атак противника. Коней я любил. Они у меня всегда ухоженными были. Я их чистил, купал в озере, прогуливал. Благодарности от командира получал стабильно, но вот с грамотой у меня была совсем беда.

Я едва умел читать по слогам и кое-как писал. Как-то командир батареи вызвал на беседу. Расспрашивал про семью, где я работал до армии. Потом спрашивает: «Как с образованием?» Я ему и рассказал, что в школе почти не учился: «Зимой не ходил, потому что надеть нечего, а летом и осенью работал. Мамка-то у нас одна, помогать надо было». На столе у него устав лежал, я его по корочке определил, у нас старшина с ним не расставался. Все пальцем в него тыкал. Открыл и подает мне: «Прочти, что здесь написано. Сверху начинай». Взял его в руки, а буквы как назло все из головы повывлетали, стою, мыкаю, аж вспотел весь. Куль килограммов в восемьдесят на плечо забросить для меня раз плюнуть, а вот грамота ни-

как не давалась. Командир послушал: «Ладно, хватит! В личном деле записано, что у вас два класса образования, но фактически ни одного. Жаль, очень жаль! Неплохой сержант из вас вышел бы. Пробуйте учиться самостоятельно, хотя бы читать и писать. Спасибо за службу! Идите!»

Стрелял же я хорошо. Даже получил нагрудный знак «Ворошиловский стрелок». Ростом я был метр восемьдесят два, весом под девяносто, да и силой бог не обидел. Ну а как по-другому, с малолетства ведь на физическом труде. По физподготовке в батарее я первый. На занятиях по рукопашному бою с применением ножа или лопаты ребята со мной в пару побаивались вставать. Вроде слегка бил, но удар получался крепкий. До армии в деревне зимой на кулачках стенка на стенку сойдемся, так меня к восемнадцати годам редко кто мог с ног сбить. Наверное, по этой причине меня и перевели стрелком в строевую роту.

В конце августа 1939 года отобрали нас, погрузили в эшелон и направили, как поговаривали, на подкрепление к корпусу, действовавшему на Халхин-Голе. Однако эшелон проследовал дальше. Всю страну проехали и оказались в Белоруссии.

В сентябре 1939 года после переформирования нашей части перевели меня стрелком во 2-ю роту 756-го стрелкового полка только что сформированной 150-й стрелковой дивизии. Она как раз готовилась к ведению боевых действий. Нам выдали новые самозарядные винтовки СВТ, все бойцы прошли курсы гранатометания и оказания помощи при ранениях, умения пользоваться перевязочными пакетами, перетаскивания раненых под огнем противника. Получали со складов палатки и железные печки. Штабные же подбিরали красноармейцев со знанием финского и карельского языков.

В РЫХЛОМ СНЕГУ...

В конце ноября 1939 года погрузили нас в эшелон и отправили на Карельский перешеек. В первых боях очень трудно было приспособиться к местным условиям. Сплошной линии обороны у финнов не было, действовали лишь небольшие мобильные отряды лыжников. Полк же наш не был полностью укомплектован лыжами, а передвигаться без них по снегу в некоторых местах не представлялось возможным. Поэтому действия полка и оказались замедленными. Используя лесистую местность с многочисленными полянами, финны устраивали там снайперские гнезда. Неоднократно наши роты и взвода попадали в их засады и несли большие потери. Где-то в конце декабря попала под огонь снайпера и наша рота.

Двигались цепью и вышли на поляну метров двести в длину и семьдесят в ширину. Кругом лес, на поляне трава высокая, старая, камыш и кустарник. До середины не дошли, как один за другим стали падать. Все попадали, залегли в этой траве. Я зарылся в снег, он рыхлый, мягкий, ничего впереди не видно из-за камыша. А кто голову поднимет, сразу готов. Пулеметчики с нами были – расчет пулемета Дегтярева, две очереди не успели дать, обоих сразу положили. Потом командир по цепи отдает приказ: «Передать на правый фланг – отделение сержанта Старкова в обход поляны!» Поползли ребята, а мы в снегу лежим, постреливаем не глядя. Не видно же, откуда бьет. Голову никто не поднимает, а эта сволочь все равно стреляет. То одного, то другого зацепит. Но ребята обошли краем поляны, вышли на гнездо. Так там женщина оказалась. У этой стервы как раз патроны закончились. Подошли к сосне, а у нее там прямо помост из досок на сучках подвешен, метров пять от земли. Сучья на соснах там низко растут, ребята как по лестнице по ним полезли, так она прикладом одному голову разбила. Сбросили ее оттуда вместе с досками и хотели на ключья порвать, да командиры не дали. А она ведь человек двадцать убила...

ВЫСТРЕЛ В СПИНУ

В январе бои поутихли, мы как раз возле какой-то деревушки стояли. Жителей там не было, они все ушли, побросав все. В домах столы, кровати и перины с подушками, в некоторых даже посуда осталась. Когда на посту стоишь, снег под ногами скрипит, а финны по ночам даже на шум стреляют. Так мы подноровились. В дом зайдешь, подушку стащишь, штыком разорвешь, пух под ноги высыпашь – и ногам тепло и снег не скрипит. Потом как-то ликвидировали группу диверсантов, человек пятьдесят, и они прорывались через наш участок.

Чтобы не дать им пройти, нас расставляют часовыми метров через сто пятьдесят друг от друга. Командир ставит меня на пост, а с ним капитан НКВД. Тот говорит: «Смотри внимательней! Не стреляй, тут наши ребята ходят, документы собирают и оружие у убитых». Ушли они. Стою на посту, а местность почти открытая. Кругом трава старая да кустарник реденький. Вдруг вижу, идут двое в моем направлении. Кричу им: «Стойте! Кто такие?!» Они молчат, все идут, и уже метров семьдесят от меня. Приглядываюсь, на них накидки как плащи, с капюшоном на головах, на наших вроде не похожи. Опять кричу: «Стойте! Стрелять буду!», а они все идут. Тут я винтовку вскинул и выстрелил. Один упал, а другой побежал в сто-

рону другого нашего поста. А от поста до поста недалеко, мы даже видим друг друга. Гляжу, они на посту сцепились, катаются. Я кинулся бегом помочь нашему, и тут сзади меня как долбануло. Упал, лежу, чувствую, у меня аж вещмешок задымился. Подбегает наш командир взвода с двумя бойцами и с ними этот капитан. У него в руках автомат, со ствола дымок еще тянется, и тут я понял – это он, стерва, в меня стрелял. Капитан на меня орет: «Почему пост бросил?! Ты че стрелял?! Я же тебя предупреждал, что здесь наши ходят. Если убил нашего, я сейчас же тебя застрелю за оставление поста и за то, что открыл огонь по своим!» Подошли к убитому, капитан сдернул накидку с него, а там форма не наша. Из-под куртки торчал воротник серый с зелеными петлицами, как у лесника, оружия, правда, не было. Капитан обшарил карманы, ничего в них не нашел. Тогда он снял с шеи убитого медальон, часы с руки, себе в карман положил. Руки вытирает о себя, на меня посмотрел и говорит: «Ну, твое счастье...» А второй все-таки ушел. Убил нашего штыком его же винтовки. А мне потом командир роты объявил благодарность – «за умелые и правильные действия на посту».

БЕГЛЕЦ

На лыжах финны, конечно, хорошо бегали. Они у них широкие, прямо как наши охотничьи, только чуть короче. Был такой случай. В начале февраля послал нас командир в финское село, километров за пять от нашего лагеря. Ну, чтобы финна-проводника привели. Пришли в село, а там половина домов пустые стоят. Ну, хорошо, глянули, где дым из трубы идет. Зашли в одну хату, там мужик лет сорока с бабой и ребяташек двое. Объяснили ему как смогли, чтобы собирался. Повели его, руки связали и глаза завязали, так командир приказал. А один боец стволом подталкивает впереди себя по лыжне. А снегу в лесу до нижних сучьев намело. Если снег разгребешь под низ елки, там как шалаш получается. В пургу там часто отдыхали, прятались, курили. Финн как-то умудрился сдвинуть повязку с глаз и как дал на лыжах под горку со связанными руками и скрылся за буграми. Только мы его и видели, никто даже выстрелить не успел...

В марте бои стали затихать и наш полк вывели в тыл. В апреле погрузили в эшелон и отправили в Бессарабию. Там после небольшой стычки стали лагерем, а уже в сентябре 1940 года я демобилизовался.

«К ВОЙНЕ ГОТОВЯТСЯ...»

Когда пришел из армии, мать жила одна. Степан к тому времени женился, отделился, и он меня на зиму устроил конюхом. Весной я уже на сеялке работал, отсеялись, все поля засеяли. А в мае я женился на девушке из нашего села – Наталье Ковалевой. Отца у нее арестовали в 1934 году по ложному обвинению как вредителя.

В 1933 году из-за сильной засухи случился большой падеж скота, а он работал в колхозе животноводом, по сути, пастухом, и всю вину решили свалить на него. Кто-то из местных накарябал донос, мол, умышленно выводил колхозный скот на высушенные пастбища, чем умышленно довел скот до полного истощения и падежа. И его осудили на двадцать лет, но он умер в лагере уже через год. Похоронен неизвестно где.

В селе к этому времени большие изменения произошли. В МТС появилась техника: трактора, комбайны прицепные, сеялки, сенокоски тракторные. И однажды Наталью с группой девушек вызвали в райком комсомола и предложили поехать на курсы по обучению на медсестер или трактористов. Я сразу понял – к войне готовятся. Надо признать, люди жили в ожидании войны, хоть и запрещали открыто говорить об этом. Поэтому Наталье сказал: «Не вздумай соглашаться на медсестру, сразу на фронт загремишь. А там ты не выдержишь, и убить могут в два счета. Так что езжай в Михайловку и учись на трактор».

И через пару недель на сенокосе с мужиками сидим, отдыхаем, курим. Вдруг посмотрим, верховой скачет, кричит: «Все срочно на собрание к сельскому совету!» У меня в голове сразу – война...

В начале июля вызвали в Егорьевский райвоенкомат, и человек пятьдесят нас отправили в Рубцовку. Там добавили еще человек триста и повезли всех в Новосибирск. В Новосибирске наши теплушки прицепили к эшелону и – в Архангельск. Вместе со мной на фронт ехали мои родственники. Например, со мной из Титовки ехал родной брат моей снохи, жены Федора – Чупахин Егор, его кум Кабанченко и дружок Пашка Решетов. С Егорьевки был Федор Кретов и с села Лебяжье Лёха Коротченко. Прибыли в Архангельскую 88-ю стрелковую дивизию, и меня, Егора Чупахина и Кабанченко определили в 426-й стрелковый полк. А Пашку Решетова зачислили командиром отделения в 758-й стрелковый полк, он сержантом был. Нас же, тех, кто отслужил срочную, сразу же распределили по подразделениям. Грамоты у меня никакой, образование всего два класса, и меня зачислили рядовым стрелком во 2-й батальон. Выдали трехлинейки, снаряжение, ко-

мандир взвода раздал всем медальоны. Такой эбонитовый цилиндрок из двух половинок с резьбой на концах. На бланке карандашом пишешь свою фамилию, дату и год рождения, адрес семьи, в трубочку сворачиваешь и в пенальчик. Закручиваешь его и прячешь в карман гимнастерки.

Тех, кто не служил, собрали в учебные роты, и они проходили обучение: кололи штыками и били прикладами мешки с песком, перемешанным с опилками. Но в полку оказалось и много таких ребят, как я, кто уже побывал в боях на финской, Халхин-Голе, в Бессарабии. Мы, кто уже имел боевой опыт, ходили в основном в наряды, караул, патрулировали вдоль берега. Погода летом в Архангельске противная. Днем жарко, от моря испарение идет, стоишь в карауле – гимнастерка вся мокрая. Месяц мы простояли лагерем у Архангельска, за это время дивизию полностью укомплектовали, вооружили и мало-мальски подготовили к фронту.

САХАР НА ЗЕМЛЕ

Где-то в середине августа нас по тревоге подняли и эшелонотом отправили в район Кестеньги на Кандалакшское направление. Прибыли на станцию Лоухи часов в двенадцать и стали быстро разгружаться. Станцию уже сильно разбомбила немецкая авиация. Стояли разбитые и перевернутые вагоны, горели дома и здание вокзала. Возле вагонов с сорванными дверями на рельсах валялось раскиданное барахло, какие-то ящики и мешки. Рядом с нашим местом разгрузки оказался разбитый вагон с сахаром. Целые и разорванные роговые мешки с высыпавшимся кусковым сахаром валялись прямо под ногами солдат. Ребята, несмотря на грозные окрики командиров, быстро запасались сахаром, рассыпывая его кто в карманы, кто в пилотку, а кто в вещевой мешок. Я тоже развязал свой вещмешок, наложил немного кусков и пошел в свой взвод. Вдруг крики – «Воздух! Воздух!», и все кинулись врассыпную, прячась кто куда. Недалеко от меня валялся здоровенный камень, я быстро упал за него. Самолетов оказалось немного, всего два или три. Они построчили из пулеметов, в основном по лошадям и технике, а затем улетели. Смотрю, забежали санитары с матерками и стопами... Командиры построили нас и, костеря самолеты матом, пошли, брякая котелками и лопатами, к передовой. Ещё издали доносились звуки стрельбы и разрывов с передовой. Навстречу несколько бойцов вели десятка полтора пленных немцев. Ближе к фронту шли легкораненые, некоторые из них держались за телеги с тяжелоранеными. С марша почти без боя за-

няли высоты и сразу стали рыть окопы. К утру 16 августа позиции были практически готовы: отрыты окопы в полный рост, оборудованы ячейки для стрельбы, ребята еще два блиндажа строили.

(12 августа 1941 года 88-я стрелковая дивизия 18-ю эшелонами отбыла из Архангельска в район Кестеньги по строящейся железнодорожной ветке Сорокская – Обозерская. Переброска дивизии примечательна тем, что данная ветка ещё не была сдана в эксплуатацию, до эшелонов с дивизией по ней двигался только подвижный состав железнодорожных рабочих. Прибыв на станцию Лоухи 12 августа, прямо с колес на передовую ушёл 147-й отдельный разведбат и остановил продвижение врага. 13 августа развернулись батальоны 426-го стрелкового полка, а за ними вступили в бой и остальные подразделения дивизии. Дивизия потеснила вражеские войска и к концу ноября стабилизировала линию фронта в 40 километрах западнее Лоухи. Можно говорить о том, что прибытие этой дивизии спасло от захвата станцию Лоухи и предотвратило блокаду Кировской железной дороги на этом участке. – Прим. А.Б.)

На роту у нас был один расчет станкового пулемета «Максим» и по расчету «Дегтярева» на взвод. Автоматов не было, зато винтовки разные. В основном трехлинейки, но у многих были и СВТ – самозарядки Токарева. Мне доводилось стрелять с обеих. СВТ – неплохая винтовка, особенно штык – съемный кинжал, но трехлинейка надежнее. Полк подерживала огнем артиллерийская батарея, но стреляла она редко, видать, снарядов негусто было.

ЧИТОК ВОДКИ

Недели две немцев почти не видели. Так, постреливали иногда, с самолетов раза два бомбы бросали. Но понятно было, что они подтягивают силы для атаки. А мы с собой шинели не взяли, с обозом отправили, а ночью в окопах в одних гимнастерках холодно, дубака давали хорошего. Зато днем солнце пригреет – тепло, днем и отсыпались. Я нарубил березовых веток и сделал из них себе навес в ячейке, чтоб солнце в глаза не светило. Немцы изредка закидывали нас минами. Били из ротного миномета, и мины, издавая свист, хлопая, разрывались, то не долетая, то перелетая окопы. Как-то под этот свист и хлопки я задремал в ячейке. Разбудил меня удар воздушной волны. Мина попала в навес, раскидала все ветки и засыпала меня пылью. В ушах звон стоит, но ни одной царапины.

По окопам ходили обозники с плетеными корзинами, раздавали сухари, тушенку, махру и по читку водки. Я свой пить не стал, поставил в ячейке в

стенку. Там карман вырыл, гранаты туда положил, фляжку с водой, лопатку саперную. Сижу, курю. А в окопах уже начали менять водку на тушенку, махру, кто на что. Подошли Егор Чупахин и Кабанченко Серёга, хорошие уже. Спрашивают: «Гришка, ты свой читок пить будешь?» – «Не буду и вам не советую. Сейчас немцы пойдут в атаку или нас погонят вперёд». Егор говорит: «Чё, испугался, штоли? Отобьёмся, сват! Давай меняй свой читок на пачку махорки!» Я им говорю: «Если хотите, так берите!» И точно. Где-то через час немцы после минометного обстрела пошли в атаку. Егор вылез из окопа на бруствер и с колена начал стрелять. Его сразу же подстрелили, метрах в двух от окопа. Кабанченко полез за ним, но его тут же в плечо, он в окоп упал, рукой рану зажал, орёт. Я ему: «Бежи в санбат!»

Атаку отбили. Мы с Коротченко Лёхой затащили Егора в окоп. У него вся грудь и живот в крови, аж кишки вылезли. Но еще в сознании, здоровый мужик был. Я его перевязываю, а он: «Гришка, дай воды! Б...ди, подстрелили... Помру я, сват. Как там Манька с ребятишками одна останется?» Санитары унесли его в санбат, он там через сутки и умер. *(По общей базе данных – «Мемориал» стрелок 426-го полка 88-й стрелковой дивизии красноармеец Чупахин Егор Яковлевич 190(?) г.р. скончался от ран 14.09.1941 года и похоронен на 29-м километре шоссе Лоухи – Кестеньга. – Прим. А.Б.)*

РУССКИЙ В РУКОПАШНОЙ – ЗВЕРЬ

В течение сентября немцы раз пять пытались сбить нас с высот. Артобстрел проведут, минами закидают, значит, жди атаку. Атаки мы их отбивали, ребята в полку крепкие подобрались, многие уже до этого пороха нанюхались, таких на пушку не возьмешь. Сами тоже не раз в контратаки поднимались, врукопашную. Там тогда не зевай кто кого. Только ослабили ребята, кормили плоховато, а немцы на нашем участке крупные были, как на подбор. Так мы, кто поздоровее, немцев покрупнее на себя брали, разбирали на ходу до рукопашной. Штыки с эсветешек поснимали все. Он у них как кинжал, и в бою удобней, когда штык у тебя в руке. Ведь в рукопашном бою если штык на винтовке и промажешь при уколе, тебе хана почти на все сто. А когда он в руке, если не оробел, русский человек – зверь. В рукопашной самое главное не оробеть, не думать, что убьют, не зевать, бить надо быстро, сильно и не стоять на месте, вертеться, чтоб сзади никто не ударил. Я в первой рукопашной немца лопаткой убил. Он на меня бежал с винтовкой без штыка, я на него. В правой руке – лопатка саперная, в левой штык от СВТ. Быстро все произошло. Он стволом меня хотел в

живот ткнуть, я левой удар отбил, он проскочил, я – «С-сука!!!» и с разворота как саданул ребром лопаты снизу по шее, аж искры с-под каски вылетели. – «Убивать меня пришел, сволочь немецкая?!» У него голова, как шляпа от подсолнушка, обвисла набок, сразу осел. Ножом бить тоже приходилось. После рукопашной возвращаешься весь в крови, своей, чужой. Да... крови пролилось там много.

Зато вода была только из речушки, почти ручей. За ней ходили по очереди, то мы, то немцы. Когда к вечеру стрельба затихает, одни убитых собирают, кто-то за водой идет. Тут уже ни мы, ни немцы не стреляли. И патронов маловато, и наши артиллеристы почти не вели огонь по их позициям. Кинут два-три снаряда, и выдохлись. Зато немцы мин и снарядов не жалели, каждый день по окопам кидали. Еще запомнилось, что почты почти не было. Я с июля три письма домой отправил, а первая почта пришла только в октябре. Вот так мы весь сентябрь и начало октября простояли в обороне. Потом со второй половины октября попритихло. Немцы прекратили атаки, лишь иногда постреливали с минометов. Мы воды наносили с ручья, помылись немного. На костре подогреешь, один поливает, другой моется, постирали обмундирование. Боеприпасы и гранаты подвезли, шинелей с обоза и телогреек маленько подкинули. Я себе ватник нашел.

Пополнение небольшое прибыло. В нашей роте из двухсот пятидесяти человек осталось где-то сто восемьдесят.

ОКРУЖЕНИЕ

Утром в начале ноября по нашим позициям начался артобстрел. Причем такого сильного огня по нашим окопам еще ни разу не было. Больше часа они обстреливали наши позиции, и за это время было много убито и ранено. Помню, погиб пулеметный расчет, но особенно много было раненых. Потом атака. Пьяные эсэсовцы из дивизии «Норд» шли в полный рост, напролом. Бои шли по всему фронту до самого вечера. Кое-как атаку отбили... Пулеметчики хорошо поработали. *(В ночь на 1 ноября 1941 года после 3-часовой артподготовки немецкие и финские части повели наступление, ударив встык 426-го и 611-го полков, но все атаки были отбиты.)*

К 05.11.1941 противнику превосходящими силами все-таки удалось окружить 426-й стрелковый полк, перерезав пути подвоза боеприпасов и продовольствия. Полк сражался в окружении до 09.11.1941 и вырвался из него, потеряв почти всю матчасть. Также в окружение попадал и штаб дивизии.

Из записей начальника штаба дивизии подполковника Перкина: «... 16 ноября 1941 г. Бои несколько затихли, противник поставленную задачу не выполнил, весь наступательный порыв у него иссяк... Пленные показывают, что потери настолько велики, что вообразить нельзя. В ротах из 180 человек осталось максимум 50, а в большинстве случаев только 30...»

К концу ноября 1941 года в дивизии от 17 тысяч человек личного состава осталось в строю не более 3 тысяч. Обескровленную дивизию вывели на переформирование. – Прим. А.Б.)

На второй день наш батальон отрезали от полка, и мы оказались в окружении. Что там творилось! Атаки шли одна за одной. В воздухе над высотками такой смрад стоял, что дышать нечем. Воняло тротилом, смешанным с пороховой гарью, и трупным запахом, от этого всего в горле стояла горечь. И десять дней мы провели в окружении.

Патронов почти нет, атаки отбивали в рукопашной. Подпустим к окопам метров на десять, выскакиваем, и тогда держись. Сколько там побили и наших, и немцев... Раненые, кто полегче и ходить мог, ушли. Ночью какой-то карел местный увел.

По ночам в окопах холодно, еды почти нет, так те, кто посмелее, лазили за окопы в немецких ранцах пошариться. Метрах в пятидесяти их там много валялось. Да у них там тоже негусто, редко что-то пожрать найдешь. Так, барахло разное. И почему-то от их вещей воняло не так, как от наших. Пересыпали, что ли, чем-то? Повезет, если галеты найдёшь. Хлеб у них такой, с виду небольшая плитка, как печеник, водой размочишь, набухает как булка. Спасались пареной кониной, там коней убитых много валялось. Выбираешь из портянки место, где почище, оторвешь клочок, замотаешь в него кусок конины. Разгребем ямку в земле, наложим туда, зароешь ямку землей, а сверху костёр, и часа через полтора готово.

Еще сильно страдал без курева. Я же с детства пристрастился, а тут махорка закончилась. На шестые сутки с самолетов сбросили нам на парашютах патронов, гранат, еды немного. И в одном тюке письмо комбату нашли – «Держитесь! Помощь будет! Наши будут прорывать окружение!» Тут мы ожили, надежда появилась. Патроны, гранаты поделили, сухарей по две штуки досталось. Сухари большие, в ладонь. Булку ржаного хлеба вдоль порежут на куски и сушат так, что не угрызешь. Так нам с голодухи эти сухари слаще конфет показались. Отломить кусочек, в рот положить и посасываешь как конфету.

7-го под утро пошел снежок, лёгкий такой, как пушок. Я с землянки вышел, все вокруг побелело.

С утра атака по всему фронту, сильный бой был, немцы нас раз пять бомбили и артобстрел вели. Атака за атакой, пустили в бой танки, их, правда, было три, не больше, их подбили почти сразу. Но немцы, прячась за ними, вплотную к нашим окопам подошли. С большими потерями тогда отбились. Вся позиция трупам была завалена. 5-я рота прикрывала нас с правого фланга. С фланга у них речушка была, там пулеметный расчёт стоял и заслон на сопке до взвода. Но немцы ночью танки перетащили через ручей и ударили одновременно по флангу и с фронта 5-й роты. Танки ребята подбили, но немцы зашли им во фланг, и к обеду им удалось ворваться в окопы роты. Бойцы стали отходить на нашу высоту. Человек сорок пять добрались до наших окопов, но если бы не пулеметчики, всех бы немцы положили. А так они успели уйти, зато пулеметчики оказались в окружении. Ребята еще долго секли немцев очередями, потом затихло...

К вечеру вся земля почернела от разрывов и гари, снег сдуло – картина жуткая... Все подходы к высотам завалены убитыми немцами, чадили два подбитых танка у оставленных позиций 5-й роты. Еще один танк подбили метров за двести от нас ребята из нашей 1-й роты. Он до окопов не дошел метров тридцать, там его и укокошили гранатами.

Немцы били из минометов и артиллерии. А мы уже не в силах убирать убитых. Они валяются и в окопах, и на бруствере, убитые везде, кажется, что все это место засеяно трупами. В окопах от двух батальонов нас осталось человек сто двадцать

СИРОМЯТНЫЙ ШНУРОК

8-ГО числа немцы после артобстрела снова пошли в атаку, но было уже заметно, что и немцы выдыхаются. Две атаки за день, да и то не напористые, реденькими цепочками. А утром 19 ноября меня ранило осколком снаряда в правую руку. Я лежал и стрелял из винтовки, снаряд разорвался где-то сбоку, и меня словно обожгло чем-то выше локтя. Боли сразу не было, потом уже сильно зажгло. Гляжу, из рукава фуфайки кровь потекла. Фуфайку снял, смотрю, осколок пробил руку и засел глубоко. Кровь хлещет, рука сразу обвисла. Снял гимнастерку, ногой наступил на рукав, оторвал его, одной рукой кое-как вывернул, внутри почище была, и на рану намотал. Телогрейку надел в одну руку, с ремня подсумки выкинул, патронов там все равно не было. Ремень на шею надел, руку вставил наперевес. Сержант какой-то подошел, мы уже там все перемешались, кто с какого батальона, роты, никто не знал и не спрашивал: «Иди к раненым в блиндаж!» Беру

винтовку и пошел. Траншея уже почти вся обвалилась, жерди поперек валяются, много убитых, приваленных землей. Только нога или рука торчит снаружи. Добрался кое-как до блиндажа, он тоже почти весь разрушенный, лишь стоны из-под земли доносятся. Перед входом была площадка отрыта, так она вся доверху умершими завалена... Ни санитаров, никого не было. Заглянул в блиндаж, а там битком набито, и стоны, стоны, стоны. Я с краю у стенки присел, пригляделся, кто-то со стоном спрашивает: «Браток, как там? Наших не видно, не прорываются на помощь?» – «Да бьёт где-то артиллерия, бои кругом идут, может, это пробиваются к нам». – «Скорее бы уже, а то мочи нет совсем. Санитары куда-то делись, мёртвых не убирают». А у меня повязка вся кровью набухла, кровь по телогрейке на колени капает, в голове гудит. На входе сумка валялась брезентовая с красным крестом, я пошарился в ней, бинтов не оказалось, только кусачки какие-то, шприц и стекляшки от ампул раздавленные. А метрах в десяти от блиндажа отвилка траншеи шла к западному склону высоты, и когда я шел в блиндаж, прямо на этой развилке заметил убитого. Убитых там много валялось, но на этого я обратил внимание потому, что он был обут в ботинки. Не новые, каблук был стоптанный, видать, не новобранец. Срочник, наверное, потому что наши все в сапоги обуты. Дня два как убитый, землей засыпанный, но видно, что ему осколком ползатылка снесло. Я еще подумал – вот и дождалась мамка сына. Вспомнил, как мать моя плакала и обнимала меня, когда я с финской домой вернулся. Подошел, ботинок с него снял, шнурок сыромятный вынул, сунул в карман. Посмотрел, а он, оказывается, без портянки был, нога синяя. Я ему назад ботинок на ногу надел. Присел, повязку размотал, выкинул, она вся мокрая от крови. Рука распухла, кровь идет, видать, глубоко залез осколок. Второй рукав оторвал от гимнастерки, с ватника ваты надергал, в середину напихал, с краю шнурок вставил в дырки от пуговиц, перевязал туго и сверху шнурком затянул, чтоб не разматывалась. Тут, помню, к стенке прислонился, кровь вроде перестала бежать, но от потери крови и от усталости поклонило в сон, и я задремал.

МЕРТВЫЕ ПОДО МХОМ

К вечеру подошел комбат Строкин. Наш, с Сибири, вместе в одном эшелоне приехали. От копоти весь черный, худой, телогрейка на нем вся в ключьях, и говорит: «Получен приказ прорываться из окружения! У кого еще есть силы, попытайтесь, как стемнеет, небольшими группами прорваться к позициям 611-го полка. Может, и проскочите.

Немцев там почти не осталось, всех перебили». Тяжелораненые, неходячие спрашивают: «А как же мы?» Комбат отвечает: «Мы остаемся с вами и будем ждать помощи. Приказ касается только легкораненых». (Строкин Александр Афанасьевич, 1910 г.р., прошел всю войну и остался жив. Был четыре раза ранен и награжден двумя орденами Отечественной войны и Красной Звезды. В одном из награжденных листов говорится: «В боях против немецких захватчиков участвует с 10 августа 1941 года. 28.08.41 в должности помначштаба 426-го полка с отрядом 3-ротного состава сбил боевое охранение финнов, вышел им в тыл и занял второй рубеж их обороны, где в течение суток непрерывно отражал контратаки противника. Когда наши части прорвали оборону немцев и фашисты стали отступать, организовал их преследование, в результате чего были захвачены трофеи: 16 орудий разных калибров и до 50 пулеметов. Истреблено свыше 200 немецких солдат и офицеров, захвачено в плен 7 человек, в том числе один капитан – командир батальона дивизии СС «Норд».

В октябре 1941 года, командуя 2-м батальоном 426-го полка, с группой из 15 человек прошел в тыл немецкой обороны на глубину до 30 километров и в районе деревни Окунева Губа внезапным налетом уничтожил до 30 фашистов и без потерь и с двумя пленными возвратился в полк. – **Прим. А.Б.)**

Как стемнело, нас человек семь собралось, и поползли в сторону ручья. За ним через полкилометра лесок начинался. Я с собой винтовку взял, хоть там и патронов три штуки, но бросать не стал. От наших позиций до ручья метров высот, не больше, днем десять минут ходьбы. Так мы этот участок всю ночь ползли. С нами раненный в ногу полз, боец с нашей роты со смешной фамилией, я ее запомнил – Якуночкин. Так он метр проползет и начинает потихоньку стонать от боли. Ему пуля навывлет икру ниже колена пробил. Немцы то и дело ракеты пускают, мы затихнем. В воронку заползем, отдохнем, сил нет, все отошдали от голода, и снова потихоньку в сторону ручья. Немцы ракету пустят, немного постреляют, как перестанут стрелять, мы прислушаемся, ползем дальше. А там вся земля разрывами исковерканная, воронка на воронке, убитые на каждом метре валяются, в иных местах целыми кучами. К середине ночи доползли к подбитому немецкому танку, он метров четыреста от ручья стоял, наши артиллеристы его на второй день окружения подбили.

Рассвело, а мы как раз у ручья. Вдруг, слышим, говорит кто-то. Глянули, а это человек пять немцев вдоль ручья идут с баками за спиной. За водой ходили. Мы залегли, не шевелимся, это нас и спасло.

Немцы подумали, убитые лежат. Там у воды их много валялось. Не доходя до нас метров триста, немцы повернули и пошли в сторону высот. Мы через ручей перебрались. Он неглубокий, по пояс, не больше, но вода холодная, пришлось помогать друг другу. И по кустам уже пошли в полный рост. Никто нас не заметил, не обстреливал. Добрались до леса и только там сели передохнуть. Но мы же мокрые, и долго не посидишь. Двинулись потихоньку дальше. Ближе к обеду солнце пригрело, обсохло немного, но целый день проблудили по лесу. Идем шаг вперед, два назад, болота кругом, да еще этот раненный в ногу. Костыль ему из сучка сделали, но он сто шагов пройдет и падает, стонет от боли.

К вечеру наткнулись на еще одну группу наших. Человек сорок пять с 1-го батальона, большинство раненых, и тоже второй день не могут выйти к нашим. Местность никто не знает, кругом озера, болота, набум не пройти, есть нечего, медикаментов нет. Там, где сухие проходы в нашу сторону, немцы или финны стоят, а по болотам дорог никто не знает. Был один местный карел среди нас, но ему не доверяли. Боялись, что заведет в болото или к своим финнам выведет. Силы на исходе, истощали все, двое раненых умерли. Мертвых уже не закапывали. В тех местах мох густой, лопатой подрезаешь, поднимаешь, как одеяло, медальон снимешь и туда его. Многих мы тогда под мох пристроили... На привал присядем, кто кору жуёт от голода, кто мох. Потом плюнули, была не была, говорим карелу: «Ладно, веди, выводите нас!» Всё равно или с голоду все передохнем, или от ран. Он отвечает: «Сидите здесь, никуда не уходите. Я проверю проход и вернусь за вами». Какой там уходите, сил уже никаких не осталось. Я винтовку проверил, и к краю болотца. Там камыш густой, думаю, если своих приведет, хоть какой-то шанс уйти будет. Часа через четыре он вернулся: «Всё, проход есть! Двигаемся!» Кое-как поднялись, а один лежит. Умер. Мы его под мох схоронили и пошли. И к утру вышли на позиции 758-го полка, а он от нас был черт-те где. С окопов кричат: «Стой! Кто такие?!» – «Окруженцы с 426-го!» – «У кого оружие, бросайте на землю!» Я свою винтовку штыком в землю воткнул... Меня вместе с ранеными в санбат отправили. Там рану обработали и перевязали. Пришел особист, проверил документы, и меня с группой раненых направили в Сегежский госпиталь.

ЧЕРВИ НА РАНЕ

В госпитале раненых битком набито. Кровати и в коридоре стоят, и везде, где только можно поставить. Мне обработали рану, сделали перевязку и прописали постельный режим. Нашли место на полу

в большом помещении, там легкораненые лежали, матрас и одеяло постелили. Вот там я отоспался за все три месяца. Лечить, правда, не лечили, там не до таких, как я, было. Тяжёлых битком, а медперсонала раз-два и обчелся. Доктор через три дня повязку снял: «Х-м-м, да на тебе как на собаке заживает! Рана затягивается, черви на ране – это хорошо! Гляди, как облизали!» Червей палочкой с раны скovyрнул: «На перевязку!» Через три недели я оттуда выпросился, рану затянуло пленкой синей, рука болела еще, но терпимо. В госпитале одели нас кое-как, ватник дали, кто-то на голову буденовку, и с группой выздоравливающих отвезли обратно в Лоухи.

РАЗВЕДРОТА

Дивизию как раз вывели на отдых. Получали новое вооружение, прибывало пополнение, и меня зачислили в 758-й стрелковый полк. Привели в расположение полка, а там я встретил своих земляков: Пашку Решетова из Титовки и Федьку Кретова из Егорьевки. Письмо от жены пришло, она его ещё в сентябре отправляла. Пишет, что ребенок у нас будет. Стёпка стал председателем колхоза, а Демьяна с Федором забрали в армию. Прочитал, и на душе так приятно стало, как будто дома немного побывал. Особенно радовался, что ребенок родится, всё-таки кто-то останется от меня, если убьют.

СВОИХ НЕ ОСТАВЛЯЛИ

К концу декабря мы снова в окопах. Вернее, не в окопах, а в землянках. В окопах только дозор, зима, снег кругом, холодно. Немцы притихли, не стреляют, иногда лишь по ночам ведут огонь из пулеметов по пристрелянным местам для острастки. В воздух то и дело пускают осветительные ракеты, побаиваются нас. В полку сформировали из старичков лыжную разведывательно-диверсионную роту. Меня и Кретова зачислили в неё стрелками, а Решетова командиром отделения. Выдали нам автоматы ППШ, ножи, офицерам 18-зарядные пистолеты. Хорошо одели: специальные ватные куртки с капюшоном, брюки стёженные, ватные, с ляжками на плечах, почти по самую грудь. Шапки, рукавицы с указательным пальцем, белье масхалаты, валенки и лыжи с палками. В роте были свои радисты, подрывники и разведчики. Часто с ротой ходили и снайпера, но они охотились отдельно, а уходили и возвращались с нами. И жили они отдельно в своей землянке.

В рейд в тыл к фашистам мы ходили по ночам. Вёл роту проводник из местных карелов. Подходил тихо, всегда ночью или под утро, разведка сни-

мает часовых, завязываем короткий бой, подрываем технику, ГСМ и отходим к себе домой. Километров двадцать пять за ночь отмотаешь, ноги пухли как булки, болели страшно. Иногда ходили и дальше, на двое-трое суток. Ночевали под деревьями, но курить и жечь огни нам не разрешали. Как вернёмся, сутки потом отсыпались, готовились к следующему рейду. Получали боеприпасы, продовольствие, снаряжали диски. Диск у ППШа на 71 патрон, но мы еще один в ствол загоняем, в бою он может стать спасительным.

Своих не оставляли, ни убитых, ни тем более раненых – приказ командира. Не дай бог попадет в плен! Но трудно, очень трудно было отходить с убитыми и ранеными по снегу. За плечами вещмешок, без него нельзя, в нем патроны, жратва дня на три, а то и больше, портянки запасные, гранаты, курево. Все это перематывали нижним бельем, чтоб не гремело. На шее автомат, на ремне нож и подсумок, тут и одному-то тяжело идти по снегу. Так чего только не придумывали для транспортировки убитых и раненых. Связывали вместе две лыжи и сверху поперек клали палки, на них раненого или убитого. Но в основном таскать приходилось на себе. Небольшая группа, человека три, прикрывает после боя, остальные отходят. Забирают все и бегом до саночников. В рейд с нами ходили саночники. В бою они не участвовали, их и радиста оставляли километра за три до места боя. Часто метут метели, они хорошо заматают наши следы. А если нет, потом свежие следы сразу видно, и заблудиться, отстать можно. Недели полторы заметны, а потом кругом уже все лыжами исчерчено.

ФИННЫ ОПАСНЕЕ НЕМЦЕВ

В лесу немцы не так опасны, как финны. Они часто уходят от боя, если видят большую группу. В основном перехватывают отставших одиночек или группу прикрытия с целью узнать наш маршрут. Бывало, встречали на нейтралке немецкую разведку. Метров 150-200 друг от друга, мы не стреляли, и они не стреляют. Помашем друг другу автоматами и разойдемся. Не наша это работа – пусть ими другие занимаются. Вот с финнами совсем другой разговор. Те намного опаснее. Прекрасно ориентируются на местности, знают почти все наши проходы и устраивают там небольшие засады. Укокошат человек пять и уходят. Охотятся так твари на нас. Ходить на лыжах они большие мастера и, главное, очень злобные. Как-то двое у нас отстали в пургу, попали им в плен, так они их как кабанов разделали и для устрашения на деревьях по нашему маршруту развесили. Две мины

подложили, но ребята разминировали, сняли их, с собой унесли и похоронили потом.

Когда назад приходим, такая радость и усталость. Фёдор Кретов притащил себе и мне полушубки. Белые, теплые. Как вернемся с рейда, куртки, стезенки, маскхалаты сразу сушить развесим, в полушубок завернешься, тепло, сразу в сон клонит. Кормили хорошо, фронтовые сто граммов каждый день.

ЖИВЫМ НЕ ДАМСЯ!

В конце января пошли в очередной рейд. Ночью завязали бой и назад. Но роту уже до того измотали, что мы на ходу спали. Я шел замыкающим. Медленно двигал уставшими, опухшими от постоянных ночных рейдов ногами. Навалившаяся дремота склеила веки и погрузила в сон. Очнулся, лишь когда лыжи стали проваливаться в глубокий снег. Первое, что пришло в голову, – сбился с лыжни. Огляделся, а вокруг никого, группа ушла вперед. Встал на лыжню, прибавил ходу, кинулся догонять своих. Вижу, за кустами мелькнули белые халаты, обрадовался, догнал. Но что-то не так. Почему идут навстречу мне? Остановился, пригляделся – немцы! Быстро спрятался за сосну, присел, снял с плеча автомат, залег. Немцы, их было девять человек, видимо, рейдовая поисковая группа, шли лыжней, возвращаясь домой. Я надеялся, может, не заметили? Но они, сволочи, и заметили, и поняли, что я один, и стали рассыпаться. Главное – не дать им окружить себя, мелькнуло в голове. Прицелился, дал короткую очередь, один ткнулся носом в снег. Готов. Смотрю, залегли, гады, расползаются, значит, будут пытаться взять живым. Но как раз перед этим они наших двух ребят на куски порезали. У меня два полных диска и граната, думаю, хрен вам, но живым не дамся.

Около получаса немцы пытались взять меня. Я еще троих подрезал, и только после этого они стали вести прицельный огонь на поражение. Вокруг сосны, и по сторонам весь снег как будто кто палкой исчертил. Когда осталось около двадцати патронов, я уже мысленно попрощался с родными – добыю последнее, подпущу поближе и рвану гранатой себя и их. Вдруг справа и слева по немцам начали лупить из ППШ. У меня радостно кольнуло в сердце – наши! Не бросили, пришли на помощь! Оказалось, земляк Пашка Решетов с отделением подоспел на помощь. Всех немцев положили в два счета, в роте ребята опытные. Пашка на меня матом: «Гришка, твою мать, моли бога, что командир меня с группой отправил!» А когда вернулись, он мне объяснил: «Счастливый ты! Вообще-то, у нас приказ был в бой не вступать. Если

б увидели, что нельзя помочь, тебя, дурака, должен был наш снайпер хлопнуть, чтобы ты им в плен не попал. Но я гляжу, немцев всего пятеро осталось, четверых ты уделал, молодец. Думаю, делов-то на две минуты, еще своих успеем догнать! Но учти, если еще раз отстанешь, я тебя сам убью, дубина титовская!» Но это он преувеличил. Немцев упускать было нельзя. Сами бы потом не ушли, достали бы нас, у них же проводниками финны были.

И где-то через час мы догнали роту и вместе со всеми благополучно вернулись в расположение полка. В феврале 1942 года об этом бое в дивизионной газете «Красный стрелок» вышел небольшой очерк. Политрук принес газету, ребят собрал в землянке, прочитал, подает мне листок: «Поздравляю! Тебя представили к ордену Красной Звезды! Руку пожал. Награду, правда, так и не вручили, но я и так был рад, что живой выскочил. Я уж попрощался со всеми...»

А в конце февраля Пашку ранило в ночном бою. Ранение ерундовое – осколком гранаты в левое плечо, но его отправили в Сегежский госпиталь. Больше мы не виделись.

(По общей базе данных – «Мемориал», помкомвзвода 253-го полка 45-й стрелковой дивизии Решетов Павел Филиппович, 1912 г.р., погиб при освобождении Норвегии 22.10.1944 года. Посмертно был награжден орденом Отечественной войны II-й степени: «... в боях за овладение городом Киркенес ст.сержант Решетов проявил мужество и отвагу. 22.10.44 в боях за населенный пункт Тарнет, будучи командиром стрелкового взвода, первым поднялся в атаку, увлекая за собой бойцов, и стремительной атакой выбил противника с высоты, но при этом был смертельно ранен. Своими бесстрашными действиями тов. Решетов способствовал успешному выполнению боевой задачи, за что и погиб смертью храбрых...» – Прим. А.Б.)

А в середине марта в дивизии случился праздник. Наша дивизия стала 23-й Гвардейской, а наш 758-й полк стал 65-м Гвардейским.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Так по рейдам мы до марта проходили. А к концу марта командование нашей 14-й армии задумало провести весеннее наступление, и командир роты получил приказ – утром 23 марта провести разведку боем в направлении Лохивара. Усилили нашу роту двумя стрелковыми взводами. Планировалось, что мы должны тихо подойти к немецким окопам и по сигналу ракеты начать атаку. Помню, сержант командир отделения объявил: «Все

документы сдать старшине! Вещмешки оставить в землянках, двигаться быстро и как можно тише – такой приказ командира роты». Еще затемно нас вывели из землянок в окопы. Федя Кретов стоял рядом со мной, курил и смотрел на немецкие позиции, повернулся ко мне и говорит: «Гриша, слышишь, как тихо? Нам здесь всем сейчас хана будет, когда пойдем через нейтралку. Нас, б..дь, за десять километров будет слышно. Чё они все там поох...ли, на убой нас гонят, как быков... Гришка, давай рядом держаться, если что, не бросаем друг дружку, прикрываем и вытаскиваем при ранении». – «Ладно, Фёдор, ты слева от меня держись!»

Как только начало светать, мы вышли из окопов и начали двигаться в сторону немецких позиций. Шли цепью, двумя рядами, на расстоянии пяти шагов. Но снег уже начал подтаивать и покрылся коркой. Вокруг стояла тишина, и только хруст снега под валенками и наше хриплое дыхание, действительно напоминавшее звук стада быков, бегущих зимой к корыту с водой... Прав оказался Фёдор насчет быков.

До немецких окопов мы не дошли всего ничего, метров сто, как вдруг ударил немецкий пулемет и тут же вся немецкая оборона на нашем участке оцетинилась огнем. Мы залегли. Взлетела ракета к атаке, но роту уже стали просто выбивать из пулеметов и минометов. Мы начали отстреливаться, но толку было мало. У немцев это место оказалось отлично пристреляно. В окопе там легче, к стенке прижался и молишься. Здесь же как на ладони, и в снег не зароешься, мина или пуля обязательно найдет.

Сразу же взлетела ракета на отход, но рота уже не могла отойти, нас просто прижали огнём. Кругом разрывы мин, и сверху на голову сыпались комья снега и земли вперемежку с частями человеческих тел. В воздухе пахло тротилом и свежей кровью, кругом хрипы, стоны и крики. Отстреливаясь, я пополз в сторону к Кретову, и последнее, что помню, как меня от земли как пушинку оторвало, в воздух метра на полтора подкинуло и об землю как хрястнуло. Очнулся лишь, когда Фёдор меня в наш окоп затаскивал. Оказывается, он подполз ко мне, послушал – сердце бьётся, свой ремень расстегнул, под мой подсунул и ползком в наши окопы вытащил. Подошли санитары, чтобы меня в санбат унести, а Федя на них матом: «Ползите, б..ди, тех вытаскивайте! Вон там их много, слышите, кричат, а этого я и сам до санбата дотащу!» Когда он мне в санбат документы и вещи мои принес, то рассказывал, что всех побили. Из всей роты, из ста пятидесяти ребят, к нашим окопам вышло только четверо... Раненые все там поумирали, кровью изошли, замерзли. Долго кричали, на помощь звали, но огонь такой сильный был, что никто не рискнул ползти вытаскивать. А я легко

отделался – мне досталось несколько осколков от мины и контузия 3-й степени. Один осколок в стопу левой ноги попал. Другой в руку, а еще три маленьких в затылок, в основании черепа застряли.

С ТОБОЙ НИЧЕГО НЕ БЫЛО...

Четыре месяца я по госпиталям мотался. Первые недели плохо помню, поскольку в основном без сознания был. Помню, в Сеgezском госпитале лежал, в Колпашево, потом поездом в Сибирь повезли, и долечивался уже в Новосибирске. И везде одинаково, осколки никто не вытащил. Нога зажала настолько, что наступать мог, но голова постоянно болела и кружилась. В конце июня на врачебной комиссии мне вынесли приговор – «К воинской службе не годен. Инвалид 2-й группы». Стал домой собираться, а у меня ни вещей, ни денежной книжки. На все один ответ – с тобой ничего не было, только красноармейская книжка. В конце концов, выдали какое-то рваньё, ботинки старые, посадили на поезд и отправили домой.

ЛУЧШЕ БЫ МОЗГИ СКУРИЛ

Вернулся домой, а там вообще голод. Ни спичек, ни бумаги, ни соли... В деревне одни бабы, ребятишки и старики. Всех на фронт вымели подчистую. Съездил в районную больницу, а там никого. Всех медиков на фронт мобилизовали. Постоял, потоптался, а санитарка мне и говорит: «Езжай домой. Какое тебе тут лечение? Отлеживайся. Если совсем плохо станет, в Рубцовку езжай. А здесь врачей нет».

Первое время к работе меня не привлекали. Но потом в уборочную пришел бригадир Мишка Драгунов и попросил поработать на конях. Я сразу согласился. Всё-таки при деле, да и на людях. Но голова продолжала болеть, особенно когда погода менялась. В иные моменты хоть на стенку лезь, из сознания вышибало не раз. Только через год чуть получше стало. Но я тогда большую глупость сделал. Курить тянуло страшно. Табаку полно, слава богу, сами выращивали, а вот спичек и бумаги нет. Я подумал: «Зачем мне эти бумаги с госпиталя? Больницы нет, я работаю», и скурил их. А в октябре 43-го меня еще раз призвали в армию. Собрали в Егорьевском военкомате человек сорок: одни пацаны и нас пятеро подранков. Ребятишки молодые, кому еще не было восемнадцати, приписали себе года. Тогда ведь как было? Пришла в военкомат заявка на 50 человек, и ты должен призвать 50. Не хватит, сам поедешь. Вот военкоматовские и собирали всех подряд.

В Егорьевке медкомиссии не было, а в Рубцовке только поверхностно осмотрели и отправили до Барнаула. Там на сборном пункте уже настоящая медкомиссия пошла. Меня сразу же забраковали и на рентген, а далее со снимком к главному врачу. Доктор снимок посмотрел, книжку мою красноармейскую спрашивает: «Ты почему не оформил инвалидность? Где документы, которые в госпитале дали?» – «Скурил...» Он засмеялся так беззлобно и говорит: «Лучше бы свои мозги скурил. Похоже, тебе их хорошо тряхнуло. Теперь так и будешь мыкаться. Сидел бы сейчас на инвалидности дома, никто бы тебя не дёргал. Не годен ты по состоянию здоровья, езжай домой».

А в апреле 1944 года меня опять призвали. Тут барнаульский главврач уже благим матом орал: «Что они там, б...ди, в вашей Егорьевке вообще отупели?! У меня больше дел нет, как с их инвалидами разбираться?! Я же написал в красноармейской книжке, что не годен по состоянию инвалидности 2-й группы». Взял он красный карандаш и приписал в особых отметках «Не годен к службе. Черепно-мозговая травма в результате осколочных ранений и контузии 3-й степени». Вот после этого меня вообще никто никуда не вызывал. Списали... Но много, думаете, мужиков из деревни в то время инвалидность пооформляли? Кто побывал в этом аду, и так был рад, что жив остался, хоть и искалечили. После войны можно было инвалидность оформить, но красноармейскую книжку мне заменили в Егорьевском военкомате. Она вся у меня истрепанная и исписанная была, а в военный билет записи из госпиталя и барнаульской комиссии не перенесли. Написал в Ленинград, но там копий не нашли, на этом все и закончилось. В 1964 году нас передали Рубцовскому военкомату, где мне выдали новый военный билет. Там вообще всё запутали и писали с потолка, наверное. До 60 лет я работал. Поначалу в сельпо, на парной бричке ездил за водкой в Змеиногорск. Три дня туда, три назад. Сдам на склад, один день дома, и снова в путь. Летом ночевал в поле. Травы накошу коням и себе на постель. Тишина, так хорошо спалось мне... Потом, когда уже здоровье подправилось, перешел в колхоз, где отработал 32 года. Когда вышел на пенсию, наградили медалью «Ветеран труда».

ВРАГ НАРОДА

Нас, Бацуновых, пятеро воевало. Демьян всю войну прошел в 1-м дивизионе 103-й Гаубичной артиллерийской бригады. Воевал тракторным механиком. Гвардии младший сержант, награжден ор-

деном Красной Звезды и тремя медалями. Одна из них «За боевые заслуги».

Андрей, сын его, погиб в Белоруссии в ноябре 43-го. После училища даже месяца не провоевал, парнишкой был совсем. (По общей базе данных – «Мемориал», командир отделения 711-го стрелкового полка 215-й стрелковой дивизии младший сержант Бацунов Андрей Демьянович, 1925 г.р., погиб в бою 28.11.1943 года и похоронен в братской могиле в деревне Петрики Дубровенского района Витебской области. – **Прим. А.Б.**)

Брат Степан воевал помощником командира взвода 1087-го стрелкового полка и пропал без вести в сентябре 1943 года. У меня довоенная фотография осталась, на которой он с младшим братом жены – Павлом Чуйко. Павел в войну стал офицером-артиллеристом, достойно воевал, был награжден тремя орденами Красной Звезды.

А Фёдор воевал помощником командира технического взвода 179-й Танковой бригады и в марте 43-го под Харьковом попал в плен... Фронтвики, которые на передовой побывали, не станут осуждать тех, кто в плен угодил или без вести пропал. Там всякое могло быть. В мае 45-го Фёдора наши освободили в Австрии, но через четыре года его осудили на десять лет поселения. Тут ударило и по нам. Тогда только трубили, что родственники не в ответе за родню... Демьян-то похитрее был, к тому же партийный, его и не трогали. Зато меня по отделам прямо затаскали, допрашивали. Жена Фёдора – Марфа одна осталась. Я, как мог, помогал ей с ребятишками. Да еще у Степана трое детей осталось. Дровишек на зиму, сено, солому для коровы возил. Кто им еще привезет? Народ же у нас, сами знают, разный. Доносили друг на друга, слухи распускали по деревне, что я с фронта сбежал. Самое обидное, что злословили и доносили те, кто хомуты в тылу шил да на складах пристроились. У каждого на груди по две-три медали, а немцев даже в глаза не видели. Но не отказываться же мне от родных братьев и их семей...

Помню, жена родила, и я за конем пошёл, чтоб до дому с ребенком довести. Так бригадир, сволочь, коня не дал: «Врагам народа, предателям и их пособникам коней не даем!» Пришлось пять километров по снегу пешком с дитём и женой идти. Метель была, снял я шубейку с себя, завернул сына и почти бегом под ветер домой. Ничего, вырос сын мой, Сашкой назвали. Но мне многие потом прямо говорили: «Жди! Ты следующий за братом».

После смерти Сталина полегче стало, но всё равно доносили. Только арестовывали уже мало. Фёдора оправдали и освободили из Норильска в 1959

году. На Степана жена нашла документы. Погиб он под Карачевом. Она в Казахстан уехала, и там через местный военкомат все бумаги нашли. Ей там квартиру дали и пенсию за мужа.

ОШИБКИ НАДО ИСПРАВЛЯТЬ

У меня же первый осколок из ноги вытащили только в 1969 году. Он был размером с семечку. Второй, из руки, достали тоже в нашей Ново-Егорьевской больнице в 1972 году. Он оказался крупнее, размером с 2-копеечную монету. Хирург Нагорный оперировал, в районной газете потом об этом писали. Голову же он советовал не трогать: «Заросли они в кости, пусть сидят. При операции может кровоизлияние произойти и летальный исход». Потом директор Титовской средней школы Гулидов попросил эти осколки для школьного музея, и я их отдал.

Первую свою награду я получил только к 20-летию Победы. Затем медали юбилейные каждый раз вручали. Перед 40-летием Победы собрали нас, фронтовиков, в Рубцовском военкомате. Молодой полковник карточку мою учетную взял, военный билет посмотрел и говорит: «Я сам ознакомился с вашим личным делом. Кто же так вам военный билет переписал?» Отвечаю ему: «Да у вас в военкомате в 1964 году и переписали, когда на новый меняли». – «У вас, – говорит, – Григорий Петрович, две войны за плечами. С 1941 года фронт, больше полугодом на передовой. Такие тяжелые ранения, контузия, и нет боевых наград?! Ведь была директива в 1945 году о награждении орденом Красной Звезды тех, кто в бою получил тяжелые ранения. Странно, почему во-

енкомат вас не представил». Я ему говорю: «Меня и на фронте в феврале 42-го представляли к Красной Звезде, но так и не дали. Он отвечает: «Могли не утвердить, или просто наградной лист затерялся. Мы сделаем запрос. Вам по ранениям и по сроку пребывания на передовой орденом Отечественной войны полагается». Вот так военкомат представил к награде «за храбрость и мужество, проявленные при защите Отечества», и в 1985 и 1986 годах мне вручили сразу два ордена. На торжественной церемонии военком сказал: «Поздравляю вас, Григорий Петрович, и прошу прощения за наши ошибки. Их надо исправлять. И лучше поздно, чем никогда».

СОШЕЛ С МЕСТА ОСКОЛОК

Со своей женой Григорий Петрович вырастил восьмерых детей – четыре сына и четыре дочери. Наталья Сергеевна была награждена медалью «Ветеран труда» и двумя орденами «Материнская слава» 2-й и 3-й степеней. Дети нашли свою дорогу в жизни, все сыновья честно отслужили в Советской армии. На сегодняшний день у Григория Петровича 17 внуков и 16 правнуков.

Сам же Григорий Петрович скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг 23 июня 1990 года. Как сказал врач: «Сошел с места осколок...»

Данные мемуары написаны сыном Александром по воспоминаниям своего отца.

В примечаниях использовались архивные данные Министерства обороны и Военно-исторической литературы.

Александр Григорьевич БАЦУНОВ

родился в 1958 г. в селе Титовка Егорьевского р-на Алтайского края.

Живет в городе Рубцовске.

Член Российского Союза писателей.

Издавался в сборнике членов Российского Союза писателей 2018 года,

в сборнике «Поэт года. Лирика» 2018 года,

в журнале «Огни над Бией»,

литературно-историческом журнале «Великороссь».

Является номинантом многих литературных премий и конкурсов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

